

* * *

Холодная весна охватит чувством новым.
В окошко поглядишь — там, около крыльца
Дуб с клёном обнялись, как Герцен с Огарёвым,
В желании своём бороться до конца.

Как много было чувств! Как пламенели взоры!
Мерещились в ночи великие дела.
Как были высоки им Воробьёвы горы!
О, как в закатный час сверкали купола!

Но тайну стерегла блестящая природа.
А юноши ещё витали в облаках
И жизнь свою отдать хотели для народа,
В то время как народ толкался в кабаках.

Как было на душе томительно и сладко!
Вот ураган пройдёт, и будет благодать.
Казалось им — они творцы миропорядка.
Прошло так много лет, но, русская загадка,
Никто тебя не смог, как ребус, разгадать.

А «Колокол» гудит над Лондоном тревожно,
Из «Искры» костерок рождается в жару.
Как страшно быть в плену
идей пустых и ложных —
Уж лучше трепетать листвою на ветру!

* * *

Клеврет полнзвучных рифмованных строк,
С восторгом катаясь по острому насту,
Ты отрок скорее, чем мудрый пророк,
Ты шудра, пролезший в брахманскую касту,
Бунтарь, получивший пожизненный срок.

Ребёнок, влюблённый в доверчивый гул
Листвы тополей у районной ментовки,
Ты школьник, отметивший первый прогул
Стаканом шипящей своей газировки.

Простой, без сиропа, к которой привык,
Холодной, как голос директора школы.
Ещё не попробовал детский язык
И сладкий, и приторный вкус пепси-колы.

Простой газировки, в копейку ценой,
С пшеничным гербом на облупленной решке.
А боли и беды прошли стороной,
Ты мчишься куда-то в ребяческой спешке.

И нет ни малейшей прорехи в судьбе,
А прожитый день —
словно сахарный пряник,
И скоро волшебное слово тебе
На ухо шепнёт шестикрылый посланник.

* * *

Портрет Менделеева я прибывал
К стене в кабинете химическом. Смело
Стучал по гвоздям. Я давно понимал,
Что главное в жизни — серьёзное дело.

Там уксусом пахло, и ржавый карниз
Скрипел от молочного школьного счастья.
И видя, как падают гвоздики вниз,
Смеялась всю сексапильная Настя.

Стучал, не жалея ни стен и ни рук.
В столовой варилась противная манка,

Дешёвым портвейном пропах военрук,
И «Красной Москвой» — директриса-тиранка.

Их нет уже с нами. Божественный Свет
К себе обратил их заблудшие души.
Хотел бы вернуться я в тот кабинет?
Вопрос на засыпку. Наверное, нет,
Боюсь я идиллию эту нарушить.

Пусть уксус останется, и водород,
И Дмитрий Иванович на старой картинке.
Все кончится скоро, и Брежнев умрёт.
И граждан поглотят оптовые рынки.

Когда ж, через несколько рваных годов,
Посыпятся с башен багряные стяги,
Я вспомню вожатую, клич «Будь готов!»
... Смешно, но остался я верен присяге.

* * *

В стране нувориша и хама
Не стоит пенять на судьбу.
Свершается пошлая драма,
И спитса от фенозепама
Как мёртвой царевне в гробу.

Мечтаешь о призрачном чуде,
О сказочной дивной поре
И ждёшь, что царевну разбудит
Какой-нибудь принц Дезире.

Какой-нибудь яркий повеса,
Воспитанник граций и муз,
Владелец дворца, «Мерседеса» —
Австриец, бельгиец, француз.

Такой удивительно скучный,
Что твой алиментщик в бегах,
Прохвост, Хлестаков злополучный,
Изысканный Кот в Сапогах.

Буди же её, мафиозо!
Смотри, как вздымается грудь!
И вытри ей девичьи слёзы,
Чтоб вновь, отойдя от наркоза,
Поверить в особенный путь.

СНЕГ

Конечно, он мне нрав\ится любым —
И самым первым, мокрым и пушистым,
Под вечер — серебристо-голубым,
Под ярким солнцем — нежно-золотистым.

И в оттепель мне нравится... Тогда
Он кажется незыблемым контрастом
Осенней скуке. Талая вода
Готова стать шершавым, скользким настом.

С ним, величавым, я давно знаком.
Когда покрыты инеем берёзы,
Он яблоком скрипит под каблуком
От свежего январского мороза.

В Египте как-то, помню, сонный гид
Мне показал на грязного мальчишку:
«Вот этот мальчик, маленький Саид,
О снеге знает разве что из книжки».

Мне родина мила и дорога —
Строка удачна, тетива туга,
Пускай зима морозна и долга —
Не вижу в том ни горя, ни кошмара.
... Но как страшны бескрайние снега!
Точь-в-точь твоя безмолвная Сахара.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Где церковь и мельница смотрят в овраг,
Заросший иргой, иван-чаем, малиной,
Там в воздухе плавает пух тополиный
И страхи земные уходят во мрак.

Беззубые избы твердят о лихом
Семнадцатом веке —
  бойарском, стрелецком,
Холопском, где шапку заломит Пахом
Пред разинским уркой
  с кинжалом турецким.

Где в царских палатах не жизнь, а лафа,
Но сокол охотничий гибель пророчит.
На ялике утлом плывёт Мустафа,
Направив на Крым мусульманские очи.

Где церковь и мельница... Жалкий удел —
Баюкать младенца в берёзовой люльке

И вшей шестиногих искать в бороде.
...А вот хороводы уж водят бабульки

В цветных сарафанах, надсадно кричит
Жирыга-культурница в джинсах помятых.
Полынь на пригорке привычно горчит.
Все тленно, и нету меж нас виноватых.

* * *

В Шпандау, крепости ребристой,
Я на сухой траве лежал,
И надо мною воздух чистый
Слегка слоился и дрожал.

Молчали каменные плиты.
И Богу задал я вопрос:
«Mein Vater, sagen Siemir, bitte,
Давно ли горе началось?»

И протестанский Бог ответил,
Что в войнах вовсе нет вреда,
Что обязательны на свете
Страданье, горе и беда.

Что если б сёла не горели
И не взрывали бы метро,
Тогда бы люди не сумели
Понять, где зло, а где добро.

А с неба лился чистый, вечный,
Мучительный, слоистый свет.
Он был лучистый, бесконечный,
А горя в этой дали млечной
Казалось, не было и нет.

О смертном зная приговоре,
Я все ж не плачу, а живу.
...Mein liebe Gott, возьмите горе!
Сухую дайте мне траву!

* * *

Девяностые годы лихие...
Как не помнить — шальные, бухие
В битых «Ауди» мчались братки?
Нулевые мои, пулевые,
Огнестрельные и ножевые,
Спрячь, эпоха, свои коготки!

Как бессовестны эти разборки
На глазах у родимой беды!
Как циничны брутальные орки!
Все свидетели прячутся в норки,
Под землёй прорывают ходы...

Снег играет на скрипочке крысам.
Неужели удел твой таков –
Колобком золотушным и лысым
Убегать от бабуль и дедков?

Ты бредёшь за живую водою
С узкобойю своею бедою
Говорить о вселенской беде
И о русской загубленной силе.
Достоевский в холодной могиле
Пишет книгу о Божьем суде.

Без сомнений и помыслов лишних
Магнитолу сменил дивидишник.
Битых «Ауди» нынче уж нет.
И сквозь выстрелов сильные звуки
Лишь «Тойоты» летят да «Сузуки»
И срываются в тёмный кювет.

* * *

Заросли черёмухи душистой
Над оврагом девственным, немым,
Этот Символ Веры пацифиста,
Веры той, что вечно будет с ним.

Этот запах приторный, щемящий,
Сладкий, оглушительный, родной,
Порожденье жизни настоящей –
Трепетной, минутной, шелестящей,
Шёлковой, ажурной, кружевной.

Порожденье жизни целокупной –
С шумным плеском плоского леща,
С грохотом грозы сиюминутной,
С шелестом осины шлопутной,
Что живёт в своей тревоге смутной,
На ветру холодном трепеща.

С небом перламутровым и мглистым,
Где струится птичий звукоряд.
Заросли черёмухи душистой,
Мокрой, мягкой, нежной, серебристой
Мне о Вечной Жизни говорят.

* * *

Во времена Веспасиана
И Леонида Ильича
Я не боялся ни обмана,
Ни гепатита, ни ВИЧа.

Весёлый, ловкий, загорелый –
И я торчал в очередях,
А телевизор чернобелый –
Невзрачный, пыльный – то и дело
Трещал о съездах и вождах.

Хранила школьная тетрадка
Плоды незрелого труда,
И пахли приторно и сладко
Эфиром смоченная ватка
И на газонах резеда.

В частных снах – приятных, ватных
Опять ведёт меня судьба
Под снопом колосьев благодатных
Того, советского, герба.

Там замерзали в мае лужи,
Когда черёмуха цвела.

...Я не о том, что стало хуже,
Там просто молодость была.

* * *

Душою Божьи, а телом – княжьи.
Здесь бездорожье, одноэтажье.

Штакетник хилый, петух понурый,
Кривые вилы, худые куры.

Рыбачья леска да плоскодонка.
Гниёт подвеска у жигулёнка.

В раздольном поле одна полова.
У тёти Поли мычит корова.

Нас не погубят американцы.
В заштатном клубе сегодня танцы.

Стопою твёрдой идём мы к рынку.
Засунь-ка, гордый, подальше финку.

Мы телом княжьи, душою – Божьи.
Одноэтажье и бездорожье.

